

Инверсии мифологем в творчестве Александра Башлачева: на примере оппозиций ночь-утро, зима-весна

Гавриков В.А.

2006

В одном из своих интервью Александр Башлачев высказал мысль о близости рока (рок-поэзии) и мифа: «Некоторые полагают, что слово «рок» - это слияние разных мифов... я тоже так считаю»ⁱ. Всем своим творчеством (особенно поздним) рок-поэт как будто пытался доказать истинность этого суждения. Мифологизм Башлачева – тема для крупной работы (ограниченные рамки научной статьи не дают возможность раскрыть эту тему во всех ее нюансах). В данной работе мы рассмотрим только отдельный аспект башлачевского мифологизма: смысловые отношения в структуре двух бинарных оппозиций: «ночь-утро», «зима-весна».

Поэтическая система Башлачева испытала некоторое влияние эпического начала на лирическое. Это можно доказать, во-первых, тем, что песни Башлачева (особенно поздние) можно рассматривать как звенья одного «метасюжета», строящегося отчасти по законам эпоса. Во-вторых, если рассмотреть композиционную структуру отдельных произведений, таких как: «Зимняя сказка», «Когда мы вдвоем», «Мельница», «Грибоедовский вальс», «Егоркина былина», «Ванюша», «Вечный пост», «Имя Имен», «Похороны шута», то можно отметить, что все они имеют специфический «квазисюжет», который выявляется при анализе хронологических отношений внутри текста. Этому «квазисюжету» свойственны: завязка, развитие действия, кульминация и некоторые другие традиционно нелирические компоненты. В подтверждение данных тезисов можно отметить следующую тенденцию: действие вышеуказанных произведений начинается вечером (ночью), основные события происходят ночью, а завершает всё – утро, несущее нечто эсхатологическое (смерть, Гром, апокалипсис). Так, в песне «Зимняя сказка» первые строки отсылают нас именно к ночи (вечеру): «Как досрочник ЗК, два часа назад откинулся день»ⁱⁱ. Ночью (или вечером) происходит действие и в песнях: «Когда мы вдвоем»: «Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума, побегу по бумаге я»; «Мельница»: «В пятницу, да ближе к полночи не проворонь, вези зерно на мельницу!»; «Грибоедовский вальс»: «Он домой возвратился под вечер и глушил самогон до утра»; «Егоркина былина»: «Проплывет луна в черном масле, в зимних сумерках»; «Ванюша»: «Как весь вечер дождался Ивана у трактира красно солнце»; «Вечный пост»: «Я пойду смотреть, как твоя вдова... уронила кружево до зари»; «Имя Имен»: «Век да не вечер, хотя лихом в омут глядит битый век на мечях»; «Похороны шута»: «А ночью сама притащилась слепая старуха». Во всех этих песнях ночные приметы частотны в большей или меньшей степени, но общая тенденция неизменна – событийная доминанта локализована именно ночью. Специальное исследование по каждому конкретному случаю подтверждает выдвинутый нами тезис, однако ограниченные рамки работы не позволяют изложить все выводы полностью. Доказать тождественность ночи и жизни можно и тем, что в творчестве Башлачева ночь антропоморфна, «жива»: «Эх, бессонная ночь! Наливай чернила – все подпишу!»; «Распустила ночь черны волосы»; «Пускай эта ночь сошьет мне лиловый мундир»; «Ночь плюет на стекло черным». Как видим, все примеры (кроме третьего) содержат указание на черный цвет: «чернила», «черны волосы», «плюет черным». Собственно, это и понятно – ночь и мрак неотделимы друг от друга. Интересно здесь другое – если сопоставить этот нехитрый вывод с цитатой: «Жизнь, как истина в

черновике» («На жизнь поэтов»), то получается, что мотив жизни у Башлачева опять же сопрягается с ночью (через черный цвет).

Условно-сюжетная канва выходит к своей кульминации в конце каждой из этих песен, неся какой-нибудь катаклизм. Причем этот катаклизм происходит именно утром. Например, в песне «Когда мы вдвоем» последний куплет просто «пронизан» мотивами смерти: «Но держись, моя жизнь, // Смертью после измеришь. // И я пропаду ни за грош // Потому, что и мне ближе к телу сума. // Так проще знать честь. // И мне пора, // Мне пора уходить следом песни, которой ты веришь. // Увидимся утром. Тогда ты поймешь все сама». В последней строке утро выглядит именно, как метафора посмертного состояния, несущего высшее знание. В песне «Мельница» «перемалывание» лирического героя, его смерть оборачиваются утренним воскресением на пепелище: «На щеках роса рассветная». Роса как символ, ассоциативно отсылающий нас к мотиву утра, появляется и в песне «Имя Имен»: «Шабаш! Всей гурьбою на башню! Пала роса». В контексте произведения мотивы башни и росы вполне могут быть прочитаны как библейские мифологемы Вавилонской башни и Всемирного потопа (это к вопросу об эсхатологичности). В песне «Грибоедовский вальс» Степан Грибоедов «глушит самогон до утра», а потом вешается. В произведении «Ванюша» утро также несет для героя смерть: «С утра обида. И кашель с кровью. // И панихида у изголовья». Песня «Вечный пост» завершается апокалиптическим утренним громом: «Господи, смотри! Видишь, на заре // Дочь Твоя ведет к роднику быка! // Молнию замолви, благослови! // Кто бы нас ни пас, Худом ли, Добром... // Вечный пост, умойся в моей любви! // Небо с общину, // Все небо с общину. // Мы празднуем первый Гром». И, наконец, в песне «Похороны шута» смерть ночью не трогает героя: «Кости от смеха гремели у нее до утра... но встал я и тихо сказал ей: - Пора». Герой выбирает добровольный уход именно утром. Чуть сложнее обстоят дела с композицией «Егоркина былина». Смерть («в белом саване Снежна Бабушка»), появляющаяся в конце произведения, не соотнесена ни с одним временем суток, однако по косвенным признакам ее тоже можно отнести к событиям утренним: «Он, собака, пьет год без месяца, // утром мается, к ночи бесится, // да не впервой ему – оклемается, // перебесится, перемается, перемается, перебесится, // перебесится и повесится»ⁱⁱⁱ. Из всех этих примеров можно заключить, что для Башлачева с мотивом ночи сопряжена жизнь, а с мотивом утра – смерть^{iv}. А какова эта соотнесенность в общемифологических текстах? Приведем некоторые примеры: «Самая жизнь означает солнце, небо, а смерть — преисподнюю, мрак. «Когда ты восходишь, — говорится в одном египетском гимне, — они живут (люди), когда заходишь, они умирают» Таким образом, восход и заход солнца — это жизнь и смерть всех людей, всей природы, и ежедневно одни и те же люди умирают и оживают»^v. «Сон оказывается тем же самым, что и смерть, ночь, зима и эсхатологический конец вселенского большого цикла. Соответственно, отождествляются утро, весна, пробуждение, воскресение, создание нового мира»^{vi}. Мы видим, что в общекультурной традиции ночь олицетворяет смерть, а день – жизнь. У Башлачева же всё наоборот. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с первой башлачевской инверсией мифологем.

Если рассмотреть смерть как нечто статическое, а жизнь – динамическое, то можно заметить, что в мифологии путь (движение) связан с жизнью (днем). И действительно: «Одним из воплощений ... классификационной функции пути следует считать очень широко распространенную мифологему о пути Солнца или соответствующего солнечного божества (его коней, колесницы, ладьи и т. п.) в течение суточного или годового цикла. <...> Не случайно, что как раз божества, связанные с Солнцем, имеют особо тесное отношение к пути»^{vii}.

А вот у Башлачева понятие «путь» сопряжено не с традиционным путем солнца (а значит – с днем), а наоборот – с ночью, с движением луны: «Проплывет луна в черном масле» («Егоркина былина»); «Я люблю посмотреть, как купается луна в молоке» («Зимняя сказка»). Причем одним из субъектов движения оказывается и лирический герой. Путь начинается именно ночью, а к утру он прекращается. Это второй аспект башлачевской инверсии на уровне мифологем. Для доказательства неразрывной связи двух мотивов – ночи и пути – приведем еще несколько примеров; четверостишие из песни «В чистом поле - дожди»: «Там, где ночь разотрет тревога, // Там, где станет невоготу – // Вот туда тебе и дорога, // Наверстаешь свою версту»; «Зимняя сказка»: «А мне, похоже, опять до рассвета по снегам ковылять, // С костылями стихов. Такое ремесло»; «Когда мы вдвоем»: «Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума, // Побегу по бумаге я. // А это путь длиной в строку»; «Мельница»: «В пятницу, да ближе к полночи // Не проворонь, вези зерно на мельницу!.. Дальний путь – канава торная...»; «Зимняя сказка»: «Я всю ночь на бегу»; «Мы льем свое больное семя»: «И двадцать два квадратных метра // Объедем за ночь с ветерком».

Однако временные отношения внутри башлачевского лирического «метасюжета» не исчерпываются оппозицией «ночь - утро»: «В мифологическом смысле именно альтернатива дня и ночи является элементарной семантической моделью оппозиций света и тьмы, по которой строятся все календарные мифологемы. Солярно-суточные и сезонно-аграрные циклы мифов сближаются и переплетаются иногда до отождествления. <...> Представление о частях дня переносится в мифологии на год и на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны ...»^{viii}. Примерно о том же говорит и Лотман: «... хотя ночь, зима, смерть не похожи друг на друга в некоторых отношениях, их сближение не представляет собой метафоры, как это воспринимает современное сознание. Они — одно и то же (вернее — трансформации одного и того же)»^{ix}. Эта тенденция хорошо заметна и в творчестве Башлачева. У него также большой и малый солярные циклы синкретичны, обладают общей смысловой структурой. Ночь и зима ассоциативно объединены Башлачевым посредством мотива жизни, утро и весна – смерти. Проиллюстрировать это можно цитатой из песни «Зимняя сказка»: «Я всю ночь на бегу. Я не прочь и подремать. // Но, когда я спокойно усну, тихо тронется весь лед в этом мире. // И прыщавый студент - месяц Март - трахнет бедную старуху Зиму». Как мы видим из текста песни: после ночи наступает не утро, а... весна. Понятно, что подобная соотнесенность не случайна. Причем достигает поэт отождествления зимы и жизни теми же средствами, какие он использовал при соотнесении мотивов ночи и жизни. Главный прием здесь по-прежнему олицетворение: зима у Башлачева как и ночь является «живой». Приведем некоторые примеры: «старуха Зима», «кормила зима», «очнулась зима», «зима в роли моей вдовы». А связь смерти и весны становится ясна из следующих примеров: «Зимняя сказка»: «Но, когда я спокойно усну, тихо тронется весь лед в этом мире. // И прыщавый студент - месяц Март - трахнет бедную старуху Зиму»; «От винта!»: «Рекламный плакат // Последней весны // Качает квадрат // Окна». Зима у Башлачева (как и ночь), кстати, тоже сопряжена с мотивом пути: «Брел по горло в снегу», «Скользнули по лезвию льда», «Лошадка лениво плетется по краю сугроба, «Проплывет луна в черном масле, в зимних сумерках», Душа дороги не разбирает. Через сугробы, через ухабы». Таким образом, у Башлачева инверсия присутствует и в отношении мотива зимы: зима приравнена к жизни, зима приравнена к движению (мотиву пути).

Подведем итоги: Башлачев, обращаясь к мифологической оппозиции «ночь (зима) – утро (весна)», перекодировал общекультурное значение данных оппозиций посредством

своеобразной «смены полюсов», там, где в мифологической традиции реализован мотив жизни, у Башлачева – смерть (и наоборот). Перевернуты у Башлачева и отношения в оппозиции «динамика – статика»: так как у поэта жизнь сопряжена с ночью, то и движение (путь) происходит ночью, а утром (в смерти) движение завершается катаклизмом (гибелью, апокалипсисом, Громом).

Примечания

ⁱ Башлачев А. «Интервью РИО» // www.sashbash.km.ru/interview/index.htm

ⁱⁱ Тесты цитируются по сборнику: Александр Башлачев: Стихи, фонография, библиография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

ⁱⁱⁱ Нужно отметить, что данный вариант является первоначальным. В поздней редакции последняя строка отрывка выглядит следующим образом: «Перебесится и бог даст не повесится».

^{iv} Апокалиптичность мотива утра иллюстрируют и строки: «На рассвете храм разлетится в хлам» («Дым коромыслом»).

^v Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – Издательство "Лабиринт", М., 1997. с. 70.

^{vi} Лотман Ю. М. О мифологическом коде сюжетных текстов. // Семиосфера – С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000.с. 671.

^{vii} Топоров В.Н. Пространство и текст. // Семантика и структура. М., 1983, с. 264.

^{viii} Н. В. Брагинская. Календарь // Мифы народов мира. Т.1. М., 1991, с. 612-615.

^{ix} Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. // Семиосфера – С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. с. 278.